
| Т. А. Колева |

ГЕОРГИЕВ ДЕНЬ У ЮЖНЫХ СЛАВЯН

(ОБЫЧАИ, СВЯЗАННЫЕ С ЖИВОТНОВОДСТВОМ) *

Обычаи и обряды южных славян, связанные с празднованием Георгиева дня, имеют многослойную и сложную структуру. Это объясняется полифункциональностью многих их компонентов, которые одновременно образуют различные обрядовые комплексы, составляющие звенья системы обычаев.

Обрядовые комплексы и сопутствующие им верования представлены в своем целостном виде повсюду. На периферии этнических ареалов многие их компоненты ослабевают, отпадают и заменяются другими, функционально близкими или же целиком трансформированными. Это объясняется различиями в этнических традициях, особенностями природно-географической среды, разнохарактерными культурно-историческими влияниями.

По функциональному признаку обычаи и обряды Георгиева дня можно разделить на три группы, образующие как бы три «ядра» этой системы: а) животноводческие обычаи и обряды; б) земледельческие обычаи и обряды; в) обычаи и обряды, имеющие отношение к магии брака и плодородия. Все обрядовые действия, сгруппированные вокруг этих «ядер», связаны с ними функционально, независимо от того, выполняются ли они одновременно или последовательно.

Указанные группы обычаев и обрядов как основные структурные компоненты в системе праздника Георгиева дня являются в то же время ее подсистемами; каждая из них функционирует в значительной мере независимо от других. Настоящая работа посвящена рассмотрению группы животноводческих обычаев и обрядов Георгиева дня, которая в системе праздника является основной.

Пастушеская культура в ареале расселения южнославянских народов имеет глубокие традиции. Появление domesticiрованной овцы на юго-востоке Европы отмечается по меньшей мере с неолитического периода, а по ряду данных и с неолитического (VI—V тыс. до н. э.)¹.

---

* Настоящая статья — краткая редакция одной из частей монографии Т. А. Колевой «Георгиев день у южных славян», не вполне законченной автором вследствие безвременной кончины.

Татьяна Колева (1931—1976) — выдающийся болгарский этнограф, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Этнографического института Болгарской Академии наук. В 1968—1969 гг. она работала в Институте этнографии АН СССР, неоднократно печаталась в советских изданиях (см. напр., «Сов. этнография», 1973, № 3; «Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы». М., 1972, 1976 и др.) Ученый с широкими научными интересами, Т. Колева занималась сравнительным изучением культуры южных славян, историческими связями балканских народов и народов Кавказа, пережитками общинно-родового строя (женские инициации), некоторыми вопросами современного быта. В своих исследованиях Т. Колева удачно сочетала применение структурно-функционального метода с историческим подходом к социальным явлениям. — *Редакция.*

¹ Х. Тодорова, С. Иванов, В. Василев, М. Хопер, Х. Квита, Г. Кол. Селищната могила при Голямо Делчево. — «Разкопки и проучвания», V, София, 1975, с. 252, 293, сл.; В. О. Цалкин. Древнейшие животные Восточной Европы. М., 1970, с. 265 сл.

Овцеводство было важнейшей отраслью хозяйства южных славян как в эпоху их этнической консолидации, так и в более поздние периоды их истории.

Балканская пастушеская культура включала в себя обычаи и обряды, связанные с узловыми моментами производственного процесса — с весенним выгоном скота на пастбища, с его летним содержанием, с началом доения, употреблением в пищу первых молочных продуктов и т. д. К этим основным обрядовым элементам подключались в определенной взаимосвязи другие. Наряду с моментами, имеющими рациональную основу и исходящими из длительного опыта разведения домашних животных, обычаи и обряды Георгиева дня включали в себя и магическую практику. Детальное ее рассмотрение является необходимым звеном в интерпретации праздника Георгиева дня, совпадающего приблизительно с началом летнего пастбищного содержания стад крупного и мелкого рогатого скота и периодом усиленной лактации. В обычаях, приуроченных к этому времени, сосредоточены все обрядовые действия, которые якобы могут обеспечить повышение надоев молока, увеличение приплода и лучшую сохранность стад.

Центральными моментами в скотоводческих обычаях и обрядах, распространенных в восточной части Балканского полуострова, стали обряды, связанные с доением коров в стаде и кормлением молодняка, а в западной части — обрядовый выгон скота на зеленое пастбище. Эти два основных момента интегрируют и все другие структурные компоненты животноводческой группы обычаев и обрядов, а именно: сбор лекарственных растений, клеймение скота, отлучение молодняка от матерей, магическое «переманивание» молока (от одной коровы к другой), обрядовый убой первого ягненка, обрядовое отведывание первого молока, обрядовое угощение, пастушеское колядование, различные сказания о святом Георгии, как покровителе стад, а также элементы, связывающие Георгиев день с некоторыми другими календарными праздниками года.

Обрядовое доение молочного скота в восточной и центральной частях Балканского полуострова содержит элементы, которые свидетельствуют о типологически-генетическом единстве этого обряда. Молоко при доении должно было коснуться предметов, имеющих магическое значение: под струю подставляли яйцо (чаще всего первое пасхальное), доили сквозь кольца, браслеты, гребень, «в ниты» (часть ткацкого стана), кольцевидный обрядовый хлеб, имеющий характерные названия (*ягнило*, *джурджевский калач*, *кошара*, *травачи*, *чеснина*, *сточни проскур*, *сточни колач*), через венки, букетик цветов, красные нитки. Чаще всего венки из трав, которые служат кормом для овец, сплетали вокруг ежевичного прутика. Кроме того, ежевика использовалась для украшения загонов, в которых доили овец. В далеком прошлом ежевичный кустарник был частью основного овечьего корма². Однотипность этого рода обрядности у разных южнославянских народов выявляется в выборе овцы для обрядового доения. Это чаще всего та овца, которая обьягнилась первой, или же та, чей ягненок определен для заклания. Особенно богатая обрядовая практика первого весеннего доения прослеживается в ареале, расположенном между реками Искыр на востоке и Тимоком и Моравой на западе. Много сходных элементов в обрядах этого региона и сел горной Ресавы, Княжеваца, Болеваца, Хомолья. Указанный ареал характеризуется ярко выраженной овцеводческой традицией в хозяйстве древнего населения. Эта традиция поддерживалась и среди позднейшего населения области. В других областях — в Шумадии, Копаннике, Подрин-

² П. А. Петров. Към въпроса на основите на балкано-карпатского овцевъдство. — «Известия на Етнографския институт и музей» (далее ИЕИМ), София, 1971, кн. XIII, с. 43—44.

ско-посавской и Рашской — структура обрядового доения упрощается, сохраняя лишь наиболее существенные элементы.

Важным элементом обрядового доения в Болгарии является выплескивание молока первого удоя, трансформировавшееся местами в обрызгивание овец молоком или сывороткой. Аналогичный обряд, видимо, существовал и в Сербии, впоследствии он превратился здесь в опрыскивание овец «живой» водой. Обрядовое выплескивание (опрыскивание) молока первого удоя, несомненно, связано с культом богини Кибелы, родственной фракийской Котито — древнего женского божества, которому поклонялось население Балкано-Фригийской области. Кибела — великая мать, мать богов и всего живого на земле. П. Петров, по-видимому, прав, связывая имя этой богини с древним словом «комос», означающим овцу и молоко³. Полифункциональность, характерная для древних божеств, особенно для божеств, олицетворявших природу во всей ее совокупности, предполагает в их культе моменты, подобные выплескиванию молока. Этот обряд наиболее характерен для западной Болгарии и восточной Сербии, т. е. одной из предполагаемых областей возникновения культа Кибелы⁴. Связь обряда выплескивания молока с культом плодородия выражена в представлениях древних греков о Млечном пути как о струе молока, пролитой богиней Герой — покровительницей брака и деторождения⁵. В смысловой связи с выплескиванием молока находится употребление первого в сезоне молока в сыром виде (что в повседневном питании не было принято), засвидетельствованное в некоторых районах Болгарии и Сербии. Вариантом этого обычая было приготовление из сырого молока и размоченного в нем хлеба — тюри (*нопара*, *грушалина*), что было характерно для Западной Болгарии, Сербии и Черногории. Ее давали детям, которых собирали в определенном месте за селом, чаще всего на какой-либо возвышенности. После того, как тюра съедалась, хозяйка поливала головки детей водой, чтобы обеспечить увеличение надоев молока овец. Развитием у южных славян культа предков объясняется обрядовое «кормление» усопших первым молоком или первой свежей брынзой. Молоко просто выливали у могил на землю. Приобщая умерших предков к отведыванию первых продуктов скотоводческого хозяйства, живые стремились заручиться их покровительством.

В одном ряду с выплескиванием молока стоит обряд опрыскивания новобрачной или обоих молодоженов молоком или сывороткой и обсыпание их кусочками свежей брынзы с целью обеспечить плодovitость новой семьи. Этот обряд характерен для Болгарии и отсутствует у других южных славян.

С обрядовым доением домашних животных тесно связан сбор различных трав и лекарственных растений, ломка зеленых ветвей и плетение девушками венков. Более всего эти обычаи были распространены к западу от р. Искыр, т. е. в области, где получило наибольшее развитие обрядовое доение.

Собранные накануне Георгиева дня или в день праздника лекарственные и другие растения клали в корм скоту, что, по поверьям, увеличивало его удойность. Сбор трав (он известен под названиями: «на биле», «белявацие», «на звеке», «сиденье у вунац», «у травке», «на уранак», «джуруджевски уранак»: соответственно: «за травами», «сбор лекарственных трав и растений», «выход в ночь», «за травами», «на утренние зори», «георгиевский утренник») проходил особенно торжественно в Западной Болгарии, Македонии и в Сербии. Участвовали в нем

³ П. А. Петров. Указ. раб., с. 47.

⁴ П. А. Петров. Указ. раб., с. 46; Вл. Георгиев. Българска етимология и ономастика. София, 1960, с. 129.

⁵ М. Богвинник, М. Коган, М. Рабинович, Б. Селецкий. Мифологический словарь. М., 1965, с. 101, 122.

молодые замужние женщины, девушки и парни брачного возраста, что наводит на мысль о связи этого обряда с культом плодородия. В Западной Болгарии перед сбором трав молодые женщины и девушки катались по росе. Эта обрядовая игра называлась тем же термином, что и болгарский народный танец в районе г. Кюстендила — *преплетено* (плетение, смешивание), а в восточной Сербии — *женско коло* (женский круг). Собранными травами и цветами украшали посуду для молока, из них плели венки для овцы, которую доили первой, и для жертвенного ягненка. В указанном ареале плетение венков всегда происходило у воды — реки или источника — и также было связано с идеей плодородия. Венки сплетали под обрядовые песни. В Сербии в обрядовом сборе лекарственных растений засвидетельствованы некоторые элементы, отсутствующие в Болгарии. Так, сербские девушки и парни проводили ночь под Георгиев день в лесу у костра с песнями и играми. Возвращаясь с венками в село, молодежь должна была обязательно пройти мимо реки, причем парни старались искупать в ней своих избранниц, что осмыслялось как средство для увеличения молочности скота. Очень важным считалось плетение венков, которые девушки свивали для себя и нарекали своими именами. Затем эти венки бросали в реку, что напоминает болгарский обычай кумления (*кумичене*)⁶, исполняемый в вербное воскресенье.

В Югославии к западу от р. Моравы (в районах Косова, Метохии и в Черногории) и к востоку от р. Искыр (Восточная Болгария) лекарственные растения использовались в обрядности Георгиева дня только для ритуального кормления скота. В тех же областях обряды, сопутствующие первому доению, имели свои особенности. Так, здесь не украшали кошар венками, а ставили в них ведра с *омайя* — водой, собранной из брызг, падающих с мельничного колеса, и ею кропили дойных овец, чтобы давали больше молока.

Само ритуальное кормление овец обнаруживает однотипность на значительно более широкой территории — в Болгарии, в ряде районов Югославии (Сербии, включая и Метохию, в Черногории, местами в Боснии и Герцеговине). Молодняку в этом ареале в Георгиев день давали хлеб и соль⁷.

Следующий компонент скотоводческих обычаев Георгиева дня — обрядовый выгон скота на зеленый подножный корм (*попанска, попас*). У всех южных славян его форма однотипна. Пастух или хозяин легонько хлестал животных обязательно зеленым прутиком (веточкой) вербы⁸, груши, сливы, боярышника. В Болгарии этот прутик втыкался в стену кошары, а в Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговине весь день чабан носил его с собой и оставлял в кошаре по возвращении стада. Об обрядовом характере этой практики свидетельствует тот факт, что даже в южных районах, где растительность развивается значительно раньше и стада выгоняются на пастбище до Георгиева дня, пастухи к празднику возвращались домой с тем, чтобы совершить торжественный выгон скота. В Болгарии овец при этом прогоняли сквозь венок из цветов, между двумя горящими свечами, по разостланному мужскому красному поясу.

В Болгарии и Сербии засвидетельствованы интересные обряды, исполняемые при встрече молочных стад, возвращающихся с пастбищ. Под ноги скоту клали растения или предметы, обладающие свойствами

⁶ Е. В. Аничков. Весенняя обрядовая песня на западе и у славян, ч. I. — «От обряда к песне». СПб., 1903, с. 142—149; ч. II — «От песни к поэзии». СПб., 1905, с. 192—193, 195—200, 236; «Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенние праздники». М., 1976, с. 285—286.

⁷ E. Fehrle. Feste und Volksbrauche im Jahreslauf europaischer Volker. Kassel, 1955, S. 135.

⁸ Е. В. Аничков. Указ. раб., ч. I, с. 327—329.

оберега (боярышник, ежевику, розу, кросно и пр., ставили зажженные пасхальные свечи). В некоторых районах юго-западной Болгарии после возвращения стада в село животным давали кусочки обрядового хлеба, называемого *кошара* или *шарен лян* (разукрашенный хлеб). В ряде районов Югославии разжигали костры и по неостывшим углям прогоняли стада. Огонь играл роль апотропея. В иных местах раскладывали костры около кошар. В восточной половине исследуемого ареала подобных огней не засвидетельствовано. Можно предположить, что ритуальные огни Георгиева дня восходят к некоторым пастушеским обычаям античной эпохи, например, к обычаю Паралиа. Римские пастухи разжигали в честь богини Палес, покровительницы скота, костры, перепрыгивали через них или прогоняли по ним скот, чтобы предохранить его от болезней и других бед. Этот обряд совершался во время первого выгона стад на зеленую траву⁹.

Обряды, связанные с клеймением скота и отлучением приплода, в рассматриваемом ареале не имели различий. Из развития обрядовой практики выясняется, что когда-то клеймение и отлучение приплода проводили не в определенный день, а просто после появления в стаде приплода — ягнят и козлят. Однако, когда клеймение начали сопровождать магическими действиями, проводившимися якобы в целях размножения стада, оно стало приурочиваться к определенному празднику.

Анализ этнографического материала не подтверждает высказанное В. Чайкановичем мнение о том, что клеймение служит заменой приношения в жертву всего приплода. Если бы это было так, то клеймили бы подлежащего закланию ягненка, но этого как раз не происходит. Клеймение молодняка — всего лишь проставление знака собственности одного лица, родовой группы или производственного коллектива. Утилитарное значение клеймения осложнилось, однако, магическими действиями, направленными на умножение приплода.

Обряд отлучения молодняка от маток состоял в похлопывании животных зеленым прутиком по спине. Зелень использовалась в ее двузначной функции — как продуцирующего и охранительного магического средства.

С магией, способствующей увеличению приплода, связан сложный и многообразный комплекс обрядов «переманивания» молока, который характерен для всех южнославянских народов. Он содержит множество магических действий и реликтовых элементов, относящихся к верованиям в потусторонний мир, культу умерших предков и некоторых небесных тел. Этот комплекс обрядов связан также с представлением о магическом воздействии на человека природы как целого. Колдовским «переманиванием» молока у южных славян занимались исключительно женщины, и это не случайно. Очевидно, это связано с верой в то, что женское начало обладает способностью к магии. Не случайно повсеместно известны женщины, выступающие в роли ведьм, волшебниц, «обманщиц», колдуний, вешуний, ворожей. У словенцев сохранились верования в «юрьевские чары» с целью «переманивания» молока. Для магического отнятия молока использовались различные предметы и продукты: яйцо, хлеб, кросно, вода, цыплята-«мамники» и т. д. Чтобы цыпленок стал «мамником», т. е. получил способность «переманивать» чужое молоко, он должен был вылупиться из яйца, которое женщина, занимавшаяся колдовством, сорок дней носила за пазухой на голом теле.

Одним из интересных элементов в комплексе обрядов «переманивания» молока является «снятие луны» и «превращение» ее в корову или теленка. Верования о «снятии луны» встречались чаще всего в Болга-

⁹ М. Арnaudов. Очерци по българския фолклор, кн. II. София, 1969, с. 217—218; *его же*. Годишни празнични песни.— «Българско народно творчество», т. V. София, 1962, с. 13; Е. В. Аничков. Указ. раб., ч. I. с. 325—326.

рии; к западу от нее они распространены меньше. Это, разумеется, не означает, что подобные верования там не существовали, но, возможно, в литературе просто не была отмечена их связь с «переманиванием» молока. Верования, имеющие отношения к луне, очень древние. Они засвидетельствованы, например, в религиозных представлениях шумеров и многих других народов. Можно предположить, что подобные верования существовали и у населения западной половины Балканского полуострова. В народных представлениях луна связана с потусторонним миром, а превращение ее в корову, лошадь, быка — с териоморфными представлениями о ее сущности. Не случайно в народе считается, что луна движется противоположно солнцу, т. е. справа налево. Чаще всего апотропейный круг, который чертят вокруг молока, кошары описывается против часовой стрелки, так же, как и круг, очерчиваемый вокруг покойника и могилы¹⁰. Несомненно, здесь проявляется двузначное представление об усопшем — либо как о доброжелателе по отношению к живым, либо как о существе, которое может навредить. Особенно четко выявляется связь луны с потусторонним миром в болгарских верованиях о снятии ее с неба и превращении в корову. Магическое снятие луны совершается всегда в полночь — время, известное как «их время», «ненадлежащее время», «глухая пора». Здесь речь идет не о позднем времени, а об «их времени», т. е. о времени усопших, с которыми колдунья вступает в контакт и получает силу для снятия небесного тела. Магическая связь между луной и женщиной также очень древняя, она объясняется влиянием луны на физиологическое состояние женщины. «Снятие и превращение луны в корову или теленка» всегда совершается над водой. Конструктивное построение верования всюду однотипно. Его структурные элементы в системе верования неизменны и проявляют исключительную устойчивость: луна — вода — колдунья — нагота — заклинание — купание — превращение (корова, теленок) — купание — заклинание — обратное превращение (луна). Соотнесение луны, а кое-где и звезд с молочностью скота глубоко архаично и отражает примитивные воззрения человека на природу и окружающий его мир. Представление о перевоплощении с целью достижения желаемого результата и установление теснейшего контакта с объектом этого перевоплощения ведут свое начало от тотемизма.

Один из наиболее существенных элементов в структуре животноводческой группы обрядов и обычаев Георгиева дня — заклинание первого ягненка. (*Първенче, Гергьовче, Гергьовско курбанче* (георгиевская жертва), *джурджил, Бурневско ягне, печеница, джурджевило, джурджево* и т. д.) Этот обряд характерен для всех южных славян, за исключением хорватов и словенцев. Обрядовая практика, сопровождающая жертвоприношения, наиболее развита в Болгарии, менее — в Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговине (Югославия). В центральной Сербии и в долинах Дрины и Савы заклинание ягненка стало частью обрядности праздника «Слава» у семей, славящих св. Георгия. Но остались поверья, связывающие заклинание и первое отведывание мяса приплода, с размножением скота.

В литературе высказывалось мнение о том, что заклинание ягнят первого приплода представляет собой жертву св. Георгию, покровителю стад. Но дело в том, что в данном обычае вскрываются гораздо более архаичные слои, а равно и более поздние, позволяющие проследить этапы его развития. Кости и кровь животного закапывают в землю или вы-

¹⁰ E. Hoffmann, *Krayer*. Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens, B. IV. Berlin — Leipzig, 1934—1935, S. 523—532; Ed. Perczak. Wyobrazema lunare w pozaslowianskim folklorze literackim. — «Lud», t. III, Wrocław, 1968, s. 170—199; Др. Вилке. Култ мјесеца у причи и умјетности индогерманских народа. — «Гласник Земалјског музеја и Босни и Херцеговини», knj. XXV, Сарајево, 1913, с. 515—552; «Српски митолошки речник», Београд, 1970, с. 201.

брасывают их в реку. В этих элементах обряда заклания на передний план выступают характерные для первобытнообщинного строя архаические религиозные представления об оплодотворяющей стихийной силе земли. Магический способ обращения с костями и кровью имеет целью увеличение надоев молока и приплода. То, что предается земле, возвращается в умноженном количестве. Вся эта обрядовая практика покоится на архаических представлениях о магическом размножении заколотого животного, кости которого целиком закапываются в землю, а шкура оставляется целой, чтобы животное могло вновь возродиться. На следующем этапе развития религиозного сознания возникает идея возрождения — возвращения закланного животного¹¹. Эта идея восходит тоже к периоду охотничьего хозяйства, когда считалось, что убитые дикие животные должны вновь возродиться, воскреснуть, чтобы обеспечить людям хорошую охоту в будущем. Закапывание костей закланного животного как магическое средство размножения стада характерно и для скотоводческих народов. Эта древняя магическая практика известна также в обрядах земледельческих народов и связана с идеей увеличения плодородия земли¹².

С дальнейшим развитием патриархального общественного уклада возникает культ предков и элементы этого культа интегрируются с более ранней идеей магического размножения — воскрешения животного. Прародитель-покровитель должен участвовать в обрядовом съедении животного, чтобы стать сопричастным ему и утвердить свое покровительство по отношению к живым.

С персонификацией природных сил в образе божества (что является более высоким этапом в развитии религиозного сознания человека) функция прародителя-покровителя переходит к божеству. Вложенная в животное, подвергшееся обрядовому закланию, архаическая идея прямого магического воздействия уступает место идее подношения первого приплода в дар божеству, чтобы заручиться его покровительством и тем самым увеличить размножение животных. От этого обычая подношения дара божеству остались лишь некоторые реликтовые элементы, как, например, закапывание нераздробленных костей, закапывание крови, чтобы размножились овцы, сохранение целостности шкуры и передача ее священнику, как бы принявшему эту функцию древнего жреца. Подношение в дар превращается в жертву божеству (св. Георгию) и поэтому предназначенный для заклания ягненок носит названия *Гергьовче*, *Бурфевско ягне* и пр. (см. выше), связанные с именем святого. Превращение ягненка в жертву требует соответствующих обрядов, которые должны показать, что он является жертвой. Поэтому ягненка благословляют, губы его мажут медом, его кормят зеленой травой, украшают венком (это существенный элемент, имевший место, например, при античных жертвоприношениях)¹³, зажигают свечи; затем ягненка режут под иконой или у порога дома. Последнее действие соотнесено с верованием, что под порогом обитают души предков.

На архаической основе возникают и другие элементы, связанные с жертвоприношением. Примером может служить гадание о будущем плодородии по струям крови, обмазывание детей кровью, использование крови в качестве лечебного средства, гадание о жизни и смерти хозяина по лопатке «георгиевского» ягненка. Аналогичные обычаи существуют у греков, каракачан и влахов¹⁴.

¹¹ А. М. Селищев. Полог и его болгарское население. София, 1929, с. 283; «Српски митолошки речник», Београд, 1970, с. 215—217.

¹² В. Г. Богораз-Тан. Миф об умирающем и воскресающем звере. — «Художественный фольклор», I. М., 1926, с. 72—76; Б. Л. Богаевский. К вопросу о значении изображения так наз. «колдуна» в «Пещере трех братьев» в Арьеже во Франции. — «Сов. этнография», 1934, № 4, с. 53; В. Я. Пропп. К вопросу о происхождении волшебной сказки (Волшебное дерево на могиле). — «Сов. этнография», 1934, № 1—2, с. 139.

¹³ В. Я. Пропп. Указ. раб., с. 139.

¹⁴ С. Romaios. Cultes populaires de la Thrace. Athenes, 1949, p. 53.

О родовом характере жертвоприношения свидетельствует то, что ягненок резал самый пожилой человек в доме или старейшина задруги¹⁵. После распада родовой общины и возникновения сельской общины заклание ягненка в Георгиев день стало уже семейным жертвоприношением.

Существующая в литературе точка зрения, согласно которой совместное съедение жертвенного ягненка есть акт приобщения к божеству его почитателей¹⁶, не раскрывает сущности обрядовой трапезы. Согласно древним верованиям, коллективное съедение жертвенного животного влекло за собой его возрождение. В эту коллективную трапезу символически включаются также усопшие члены рода и впоследствии само божество стало сопричастным коллективному угощению. В литературе отмечено, что в обрядовой трапезе могут участвовать только те, кто принимал участие в заклании ягненка. Это, однако, не связано с приобщением к божеству¹⁷, а представляет собой остаток традиций тех групп древнего населения, основным занятием которых было скотоводство.

Проба продуктов овцеводческого промысла (молока, брынзы, мяса), есть которые до Георгиева дня строго запрещалось, происходила во время праздничной трапезы. Этот обряд особенно характерен для Болгарии, Сербии, Боснии, Герцеговины и Черногории (Югославия)¹⁸. У представителей разных этнографических групп южнославянских народов (за исключением хорват и словенцев) в обрядности ритуальной трапезы можно выявить варианты, которые не имеют этнической основы, а представляют собой итог более позднего развития. Но различия не нарушают общего единства смысла и функции этого компонента Георгиева дня.

Трапеза была обязательной для всех жителей села. Она устраивалась в общественном месте, на церковном дворе, на оброчище¹⁹, посвященном св. Георгию и пр. Анализ этнографического материала показывает, что в более отдаленные времена за георгиевской трапезой рассаживались по родственным группам или по *махалам* (кварталам), имевшим патронимическое происхождение. Столб благословлялся старейшинами задруги, а позднее — пожилым мужчиной, заменившим в этой функции родового старейшину. Все это вместе взятое говорит о том, что общедеревенская обрядовая трапеза Георгиева дня есть трансформация родовой трапезы, устраивавшейся для отведывания первых продуктов животноводческого хозяйства.

Формирование обычая георгиевской трапезы в родовых коллективах подтверждается и элементами культа предков, которые включены в его обрядность. В ряде вариантов обычая первое подношение обрядовой пищи предназначалось умершим, а следующие были посвящены здоровью живых, обилию молока и приплода. Кроме жареного ягненка, подавали свежую брынзу, обрядовый хлеб, кутью, зеленый чеснок. Болгары украшали ягненка зелеными ветвями или жарили его на вертеле, сделанном из свежесрубленной ветки дерева. Включение зелени в реквизит обря-

¹⁵ G. Megas. Greek calendar customs. Athens, 1958, p. 113—116; G. V. Kavidias. Pasteurs nomades mediterraneens. Les Saracatsans de Grece. Paris, 1963, p. 114, 274; C. Rotaos. Указ. раб., с. 51—52, 64; В. Бешевлиев. Религията на прабългарите. — «Българска Историческа Библиотека», 1930, год III, кн. 2, с. 60.

¹⁶ П. Ж. Петровић. О проблеми краснаго имена. — ИЕИМ, 1963, кн. VI, с. 259—269.

¹⁷ I. Toutain. Nouvelles etudes de mythologie et d'histoire des religions antiques. Paris, 1935, p. 193—198; ego же. Etudes de mythologie et d'histoire des religions antiques. Paris, 1909, p. 113—115; Г. И. Кацаров, Д. Дечев. Извори за старата история и география на Тракия и Македония. София, 1949, с. 75—76.

¹⁸ И. Георгиева. За произхода на един народен празник. — «Исследования в чест на академик Михаил Арнаудов», София, 1970, с. 429.

¹⁹ Оброчище — место, на котором закалывалось жертвенное животное и отмечался праздник *оброк* в честь того или иного святого — покровителя полей — чаще полей родственной группы, иногда — всего села

да — это пережиток ее использования в качестве продуцирующего магического средства, способствующего размножению стада.

В Болгарии и Сербии (Югославия) существовало строгое пищевое табу для матерей, у которых умерли грудные дети, покоившееся на архаической основе, где переплетались, с одной стороны, элементы обязательного участия коллектива-производителя в первом вкушении продуктов, с другой — культ мертвых. С древности совместная еда в определенные дни, связанные с важными моментами социально-экономической и религиозной жизни коллектива, порождала у людей чувство единства. Совместная еда была одним из способов социализации личности. Но связь живых должна была распространиться и на умерших. Это достигалось обрядовым «кормлением» усопших. Для того, чтобы усопшие были приобщены к коллективу, накладывалось табу на пищу членов коллектива, связанных с мертвыми прямым кровным родством.

Неотъемлемой частью обрядовой трапезы Георгиева дня был хоровод, особенно характерный для восточной и центральной частей Балканского полуострова. Обрядовые танцы еще в глубокой древности были существенным элементом быта и имели при этом прямую связь с культом плодородия. В некоторых районах Болгарии в Георгиев день хоровод вела беременная женщина, олицетворявшая собой плодородие, которое должно было распространиться на природу. Тот же смысл имело и ведение хоровода обрядовым лицом (*калмана, воевода, кумица*), связанным с обычаем посвящения девушек и переходом их в группу людей брачного возраста²⁰. Хоровод вели под песни вокруг обрядовой трапезы. В песнях прославлялся святой Георгий, приносящий плодородие, зелень, влагу. Для Южной Болгарии очень типичен обычай *хоречкане* — вовлечение в пляску девочек и мальчиков. Его можно трактовать как форму социализации личности, как символическое принятие подростков в группу взрослых. В то же время обрызгивание танцующих водой, легкое постукивание их пучком зелени, букетом цветов или зеленым прутиком было видом продуцирующей магии.

Основным структурным компонентом в животноводческой группе обычаев Хорватии и Словении являлся обрядовый выгон на зеленый подножный корм крупного рогатого скота. Географические и климатические условия здесь гораздо более благоприятны для разведения крупного рогатого скота, чем для развития овцеводства. От последнего сохранились только эндемичные остатки в некоторых горных районах.

Как и у других южных славян, у хорват и словенцев Георгиев день — четко выраженный праздник пастухов, считающийся также началом скотоводческого года. Первый выгон скота на зеленое пастбище всюду в Хорватии и Словении сопровождался богатой обрядностью. Типично увенчание животных цветами и зеленью. Накануне Георгиева дня пастухи собирали различные цветы и травы и плели венки, которыми украшали скот. С этими венками стада коров паслись в день праздника и с ними возвращались с пастбища в село. На следующий день венки бросали на крыши домов, чтобы предохранить коров от колдовства. Этими венками пастухи также напоминали хозяевам, что с них причитаются праздничные подарки.

Торжественные проводы скота всем селом на зеленые пастбища происходили ранним утром в день праздника. Во многих местах служили молебны в церкви и опрыскивали святой водой дойных коров, чтобы увеличить надои и вместе с тем застраховать их молоко от магического «переманивания». При выгоне скота пастухи трубили в специально приготовленные к празднику трубы, которыми возвещали о начале летнего выпаса. Подобный обычай существует и в Румынии. Широко было распространено верование, что до Георгиева дня скот нельзя выгонять в

²⁰ Т. А. Колева. За произхода на пролетните момински обичаи (лазаруване, кумичене и буенец). — «Проблема на България фолклор». София, 1972.

поле, так как св. Георгий еще не благословил пастбища и скот. В некоторых местах домашних животных хлестали один-три раза зелеными прутиками, после чего их снова загоняли в кошары и стойла; это делалось для предохранения скота от болезней.

С обрядовым выгоном скота на весенние пастбища в ареале Хорватии и Словении тесно связаны два обрядовых элемента. Первый из них — огонь, называемый *юревски крес* (Хорватия) и *юрев крес* (Словения). Его зажигали перед восходом солнца на пастбище, накануне или в день праздника. Пастухи прыгали через костер и проводили через него скот, чтобы предохранить его от различных болезней во время летней пастбы. В некоторых районах Хорватии «юревы огни» исполняли функцию «весенних огней» — обычая, характерного для славянских и других европейских народов. В играх вокруг костров участвовали девушки и юноши; они пели песни, в большинстве случаев любовно-свадебные. Зачастую после перепрыгивания через костер пастухи устраивали на пастбище состязания на лучшее украшение скота цветами и травами. После проведения обрядового совместного выпаса скота на общем пастбище каждый пастух пас свое стадо отдельно.

Несомненно, «пастушеские огни» в Хорватии и Словении — это дальнейшее развитие античного обычая зажигать огни в праздник Парилия. Кстати, в Италии день Сан-Джорджо тоже считается началом пастбищного содержания стада. Эта же традиция нашла отражение и в Августовских статутах 1276 года, в которых указано, что день св. Георгия определен для проводов стад на горные пастбища, а день св. Мартина — для возвращения стад домой. В этот день на городские рынки Италии доставлялись первые молочные продукты. Поэтому праздник здесь называется еще праздником молока (*Festa del latte*)²¹.

Но обрядовые проводы скота на пастбища у южных славян наиболее близки к обрядам других славянских народов, у которых день св. Георгия (Егория, Юрия) считается началом весны и днем первого выгона скота на пастбища. В Польше, например, скот и особенно лошади впервые выгоняются в поле в день св. Войцеха или св. Йежи²². В России начало весеннего выпаса связывалось с выгоном скота на «юреву росу». Животных здесь легонько хлестали освященной в вербное воскресенье веточкой вербы или же пасхальным зеленым прутиком. Зачастую этот первый в году выгон скота на пастбище сопровождался заклинаниями, которые повторялись затем при возвращении скота в стойла²³. Подобные обряды существовали на Украине и в Белоруссии. Интересным обрядом, бытовавшим в Минской области, было изготовление девушками и женщинами вечером, в канун праздника, холста, который расстилали вблизи села, чтобы по нему прошел скот по пути к пастбищу. Проложение скота по холсту имело магическую функцию — защитить животных от болезней и от волков, что аналогично прогону скота по красному поясу в Болгарии²⁴. Охранительный магический круг, служивший для охраны стад у южных славян, был известен и восточным славянам. Перед выгоном скота на пастбище хозяин обходил вокруг стойла, держа в руках зажженные свечи или икону св. Георгия, или же зажженный факел и соль; затем соль он клал в кормушку для скота²⁵. На Украине,

²¹ K. Moszynski. *Kultura ludowa Slowian*.— «Kultura duchowa», ch. II, Warszawa, 1967, cz. I, s. 257—258.

²² F. Herrman. *Beitrage zur italienischen Volkskunde*. Heidelberg, 1938, S. 48—49.

²³ St. Dworakowski. *Kultura spoleczna ludu wiejskiego na Masowszu nad Narwia*. Bialystok, 1964, cz I, s. 96; J. Bystron. *Etnografia polski*. Warszawa, 1947, s. 181.

²⁴ Г. Шаповалова. Егорьевский цикл весенних календарных обрядов у славянских народов и связанный с ним фольклор.— «Фольклор и этнография (обряды и обрядовый фольклор)», Л., 1974, с. 129; А. Кирпичников. Св. Георгий и Егорий Храбрый. СПб., 1879, с. 133, 134—135 и др.

²⁵ М. Довнар-Запольский. Заметки по белорусской этнографии.— «Живая старина», СПб., 1893, кн. II, с. 283—284; Н. Я. Никифоровский. Очерки Витебской Белоруссии.—

как и в Хорватии и Словении, в некоторых местах служили общий молебен на пастбище, куда сгонялся весь деревенский скот. После молебна хозяева одаривали пастухов молоком и хлебом. У гуцулов обрядовый выгон скота на зеленую траву сочетался с прогоном стада через костер, разожженный из прутьев боярышника, на которых ночью лежал скот. Это делалось для того, чтобы предохранить «перехват» молока колдуньями²⁶. Зачастую в России в виде оберега использовался и топор, который клали под ноги скоту, впервые выгоняя его на весеннее пастбище²⁷.

Обязательное обрядовое угощение пастухов в поле характерно для Хорватии, Словении, западных и восточных славян. В состав этого угощения входили такие кушанья, как обрядовый хлеб и яичница. Яйца были символом плодородия, выражавшим пожелание увеличения надоев молока. В этом обряде элементы культа плодородия объединены с элементами культа предков. В некоторых местах России и Украины после первого выгона скота на пастбище жители села шли на кладбище с вином и хлебом²⁸.

Георгиев день считался началом выгона скота на весенние пастбища и в Румынии. При этом его обрядность обнаруживала большие аналогии с хорватской и словенской, особенно в отношении разжигания огня, называемого «живым», прогона через него стада, игры на трубах, сделанных из коры дерева²⁹. В Албании при первом обрядовом выгоне скота на пастбища также зажигают очистительные огни³⁰. В этом отношении обычаи румын и албанцев сближаются с античными пастушескими традициями, унаследованными ими от дославянского населения.

Вторым существенным элементом скотоводческих обычаев в северо-западных областях Балканского полуострова является так называемое пастушеское колядование (в Словении) и обход пастухами села с целью сбора подарков (в Хорватии). В пастушеском колядовании принимали участие все пастухи. В некоторых областях Словении они украшали молодого пастуха, носящего имя Юрий, цветами, ходили по домам и пели величальные песни, соответствующие по схеме колядкам: сперва — величание хозяев и скота, затем — выпрашивание даров. Величальные песни, несомненно генетически связаны с песнями-заклинаниями о плодородии и благополучии хозяев³¹. Аналогичное содержание и функцию имели некоторые величальные песни восточных славян, исполняемые на пасху и в Георгиев день. Мужчины-величальники желали благополучия хозяину и его скоту и славили св. Георгия. В величальных песнях у восточных славян существует формула-проклятие, произносимая пастухами, когда хозяева скупно их одаривали³².

Вообще внимательное изучение фактов показывает наличие разнообразных аналогий и перекрестных связей между отдельными южнославянскими, западно- и восточнославянскими народами и их соседями.

«Этнографическое обозрение», 1893, кн. XVII, с. 150; *П. Демидович*. Из области верований и сказаний белорусов.— «Этнографическое обозрение», 1896, кн. XXVIII, с. 95 и др.

²⁶ *П. В. Шейн*. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб., 1893, с. 166.

²⁷ *А. Кирпичников*. Указ. раб., с. 139.

²⁸ *А. Кирпичников*. Указ. раб., с. 146; *С. В. Максимов*. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1900.

²⁹ *Г. Шаповалова*. Указ. раб., с. 127—128; *И. Снегирев*. Русские простонародные праздники, вып. I. М., 1839, с. 171.

³⁰ «Народы зарубежной Европы» («Серия «Народы мира. Этнографические очерки»). М., 1964, с. 653; *Sim. Fl. Marian*. Sarbetorile la Romani, v. III. Bucuresti, 1901, p. 210, 214, 226—230.

³¹ «Народы зарубежной Европы», с. 551.

³² *А. Н. Розов*. Древнегреческая коронисма и русские колядки.— «Русский фольклор. Проблемы художественной формы». Л., 1974, с. 103—104; *Г. Шаповалова*. Указ. раб., с. 131—132.

Например, отмечаются определенные аналогии в структурном компоненте магического «переманивания» молока и охраны его от колдовства у хорват, словенцев и других южных славян, западных, восточных славян, а также румын. Есть сходство в элементах обрядового сбора лекарственных трав, ежевики и кормления этими травами скота перед выгоном его на пастбище. И у западных, и у восточных славян хозяйственные постройки украшаются цветами и травами, очерчивается магический круг около скота³³.

В обрядовых действиях для охраны молока и скота в Румынии и в Болгарии (в последней — молока овец) используется ежевичный кустарник. В Румынии травы и ветви ежевики собирают девушки и юноши, которые плетут из них венки и украшают себя ими³⁴. В обрядах, предохраняющих от «переманивания» молока, общим для южных славян и румын элементом является опрыскивание дойных коров росой, собранной в Георгиев день, или оставление сосуда с росой в кормушке³⁵. Эти обряды сходны с украинскими, в то время как обрядовая практика других восточных славян приближается к обрядам для охраны молока коров у хорват и словенцев³⁶.

В восточной и центральной части Балканского полуострова, т. е. в Болгарии и ряде районов Югославии наблюдается большое типологическое сходство в обычаях Георгиева дня и других ежегодных скотоводческих праздников. В Болгарии и Сербии одним из таких праздников является Петков день 14 октября (*Петковден, Петковец*), к которому приурочен момент оплодотворения овец.

Другие праздники этого рода посвящены волкам (*вълчи раньелови, зверини, погански, мръсни празници вучкови, мратинци, минови, некрштени, благи дни*). В Болгарии эти праздники приходились на начало рождественского поста, на период между рождеством и праздником богоявления и на начало февраля, а в Сербии Боснии и Герцеговине, Черногории, они отмечались осенью и зимой. В эти периоды слово «волк» — опаснейший для овец дикий зверь — подвергалось строжайшему табу. Запрещены были и действия с ножницами, ножами, топорами, так как верили, что этим запретом закрываются пасть, глаза и уши волков. В Болгарии и Сербии последний день волчьих праздников носит название *клекузан, натлапан, криви вук* (хромой волк), *кривельан*. Так назывался самый матерый и самый страшный волк, который в народных представлениях болгар и сербов был хромым и вел других волков на поиски добычи.

Волчьи праздники связаны исключительно с овцеводством, с охраной стад. Представление о страшном волке, запрещение произносить его имя ведут свое начало от представления о божестве-покровителе скота, в частности овец, которому делают приношения во время ежегодных праздников³⁷. Эти представления имеют связь и с характерными для хорватов и словенцев верованиями в святого Георгия как волчьего пастыря. Такое же поверье отмечено и у восточных славян³⁸. В восточной же половине Балканского полуострова почитание волков сохраняется в более архаической форме — в образе божества-волка.

³³ А. Н. Розов. Указ. раб., с. 103—104.

³⁴ С. В. Максимов. Указ. раб., с. 444; П. В. Шейн. Указ. раб., с. 166—167.

³⁵ Sim. Fl. Marian. Указ. раб., с. 200—202, 213, 224.

³⁶ Его же. Указ. раб., с. 202—212, 216—223; К. Mozynski. Указ. раб., с. 278, 284, 462, 579.

³⁷ А. Қирпичников. Указ. раб., с. 148; И. Снегирев. Указ. раб., вып. I, с. 144; вып. III, с. 74; П. Г. Богатырев. Вопросы теории народного искусства. М., 1971, с. 241—243; Wl. Szuchiewicz. Указ. раб., с. 268—270.

³⁸ В. Чајкановић. Студије из религије и фолклора. Св. Сава и вуци.— «Српски етнографски зборник», кн. XXXI, Београд, 1934, с. 162—163; *Свѣцият*. О српским врховном богу. Београд, 1941, с. 133.

Общеславянский характер имеют представления о святом Георгии как покровителе скота и пастухов и как о хозяине диких зверей³⁹. В этом отношении он похож на славянского бога Волоса, функции которого с принятием христианства, возможно, перешли к св. Георгию. Во многих заклинаниях и песнях, приуроченных к празднованию Георгиева дня, повторяется мотив о святом Георгии как покровителе стада и крупного рогатого скота. Очевидно, у дославянского населения Балкано-Карпатской области были подобные представления и верования, которые позднее интегрировались со славянскими. При этом более сильная традиция субстрата сохраняется в восточной половине и центральной части Балканского полуострова в праздниках, специально посвященных волкам.

Мы уже отмечали, что Георгиев день у южных славян считался началом нового скотоводческого года, началом летнего пастбищного содержания скота и сезона доения молока. Подобные представления имелись у румын и греков⁴⁰ и у восточных славян. Георгиев день был также как бы рубежом между старым и новым годом, но это связывалось с развитием растительности и началом весеннего сева⁴¹.

К дню св. Георгия приурочивался расчет с пастухами и батраками, заключение с ними новых договоров, а также перераспределение пастбищ, находившихся в общинном владении. Поэтому год в народной традиции южных славян делится на два сезона: летний — от Георгиева до Димитриева дня и зимний — от Димитриева дня до Георгиева. То же отмечалось у румын⁴². Деление года на два сезона связано с древней овцеводческой культурой Балкано-Карпатской области. Святые Георгий и Димитрий имеют много общих функций как покровители животных. Представления же о Георгиевом дне как начале весны, возвращении природы к жизни, развитию растительности являются славянской традицией.

Дополнительный материал для выяснения связей в структуре животноводческой группы обрядов и обычаев Георгиева дня у южных славян дают некоторые типологические аналогии в праздновании Георгиева дня у народов Кавказа. Осетины, например, связывали св. Георгия с древним божеством Уастырджи, покровителем скота, посевов и всяческих богатств. Это божество считалось покровителем и спасителем охотников. В его честь проводилось обрядовое заклинание овцы или другого животного. Он также дарил людям много скота, сохранял скот от диких зверей⁴³. Культ св. Георгия и связанные с ним обряды были особенно широко распространены в Грузии. Здесь праздник в честь святого, весенний и осенний, приурочивался к нескольким датам. В Грузии он назывался *Георгоба*, *Тетри Георги*. Его обряды чаще всего связывались с размножением и сохранением скота, с покровительством мужчинам и охотникам. В народных представлениях грузин и осетин св. Георгий получил большую власть от бога. Эти представления нашли отражение во многих преданиях и легендах⁴⁴.

³⁹ В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Исследования в области славянских древностей. М., 1974, с. 204—205; А. Кирпичников. Указ. раб., с. 143—144, 148; А. Ермолов. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. Всенародный месяцеслов. СПб., 1901, с. 221—228.

⁴⁰ В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Указ. раб. с. 204; А. Ермолов. Указ. раб., с. 228; К. Moszynski. Указ. раб., с. 572—573.

⁴¹ Sim. Fl. Marian. Указ. раб., с. 198—199; G. Megas. Указ. раб. с. 115—116; G. V. Kavadias. Указ. раб., с. 350.

⁴² В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Указ. раб., с. 206, 209; А. Ермолов. Указ. раб., с. 223.

⁴³ Sim. Fl. Marian. Указ. раб., с. 198—199.

⁴⁴ В. Миллер. Осетинские этюды, т. II, М., 1862, с. 242—243, 282; Г. Ф. Чурсин. Осетины. Тифлис, 1925, с. 44, 75; Н. Берзенов. Дигория. — «Закавказский вестник», 1852, с. 161; Д. З. Бакрадзе. Осетины-георганцы. — газ. «Кавказ», 1851, № 69, с. 281—284, и др.

Изучение обрядов и верований народов Кавказа приводит к выводу, что культ св. Георгия наложился на древний языческий культ, связанный с почитанием луны⁴⁵. Эта связь, хотя и в другом проявлении, существует у южных славян в поверьях о «снятии луны с неба и превращении ее в корову». Териоморфные представления о луне как быке, корове, овце широко распространены в ареале балкано-кавказских народов и связаны с различными верованиями, относящимися к культу животных, а также к некоторым астрономическим представлениям.

В заключение, в порядке обобщения, необходимо указать, что структурные компоненты животноводческой группы обрядов и обычаев в ареале южнославянских народов, сопоставленные в самых общих чертах с аналогичными элементами обрядности других славянских и некоторых кавказских народов, показывают, что, с одной стороны, они связаны с традицией овцеводческой культуры в Балкано-Карпатской области, а с другой — служат доводом в пользу того, что культ св. Георгия развился на основе древнего культа дикой природы и диких животных, широко известного в ареале балкано-кавказских народов.

Нет сомнения в том, что вся эта обрядность развивалась путем напластования различных религиозных представлений, начиная с самой глубокой древности.

ST. GEORGE'S DAY AMONG SOUTHERN SLAVS

(customs connected with animal husbandry)

The paper deals with customs and rituals practised by Southern Slavs (Bulgarians, Yugoslav peoples) on St. George's Day (April 23 Old Style, May 5 New Style). Many customs that have their origin in ancient pre-Christian times are celebrated on this day. The author distinguishes three main groups of customs: 1) pastoral customs, 2) agricultural customs, 3) customs and rituals connected with marriage and female fertility. These customs manifest themselves unevenly among different peoples, varying with natural conditions and different cultural influences. However, on the whole they form a harmonious system.

The customs connected with animal husbandry may be regarded as the earliest subsystem since it is the pastoral culture whose traditions in the Balkan-Carpathian Region are the deepest. In the eastern part of the region the most important element of these customs is ritual sheep-milking; in the western part it is the ritual of driving cattle out to pasture. The author notes analogies to the St. George's Day rituals among peoples of the Caucasus.

---

⁴⁵ *Ив. Джавахишвили*. История грузинского народа. Тбилиси, 1951, кн. I, с. 42—60 (на груз. яз.); *В. В. Бардавелидзе*. Одна из древнейших ступеней развития пантеона астральных божеств грузинских племен.— «Материалы по этнографии Грузии», т. X. Тбилиси, 1955, с. 157—173 (на груз. яз.) и др.